

УШЕДШИЙ

Не так давно встретил одного человека.

Много лет мы с ним общались на газетной ниве: я – как журналист, а он – как рабкор. Имя его было хорошо известным, потому что он входил в число профсоюзных лидеров шахты имени В.В. Вахрушева, а по выходе на пенсию работал в ее совете ветеранов.

Разговорились. А когда пришло время пожать руки на прощанье, мой знакомый неожиданно сказал: «У меня ведь архив Алферова есть!» – и, заметив, как я удивился, добавил: «Могу продать за миллион». Последние слова прозвучали убийственно просто и, я бы сказал, ошеломляюще. Ведь речь шла, по сути, о торговле краденым. После внезапной смерти в августе 1985-го никакого завещательного акта у Алферова не обнаружили. Не дали знать о себе и родственники покойного. То есть, распорядителем его имущества стало государство. Ему и только ему должен принадлежать архив, место которому – в центральной библиотеке города или краеведческом музее.

Акт купли-продажи не состоялся. И не потому, что так уж трудно найти треклятый миллион. Все упиралось в моральную подоплеку «дела».

Хранитель очага

Молодым горожанам Александр Алферов неизвестен. Да и тем из нас, кто относит себя к среднему поколению, упоминание о нем вряд ли что скажет. Только те, кому за сорок, а тем более за пятьдесят, помнят его как поэта, чьи стихи были частым гостем на страницах городской газеты и в многотиражках. На его слова «делали» песни, по его сценарию был снят документальный фильм, получивший высокое место на всероссийском кинофестивале.

Алферов двадцать лет руководил местной литературной группой, которая, надо сказать, являлась одной из старейших в Кузбассе. В декабре 1946-го ее создал тогдашний руководитель горно Михаил Кондаков, ставший впоследствии президентом Академии педагогических наук СССР. Потом ее возглавил поэт-сатирик Валерий Фесенко, который перед своим отъездом на жительство в Энергодар и передал «ключи» от литературного очага Александру Алферову. Было это в середине шестидесятых.

В ту пору в издательстве «Советская Россия» вышел коллективный сборник «Родники народные». Его можно считать триумфом горняцкого Киселевска, потому что среди двухсот авторов, чьи стихи отбирались по всем территориям необъятной РСФСР, трое представляли наш город. Были то Валерий Фесенко, Александр Алферов и, если не ошибаюсь, ныне покойный Виталий Писарев. Стихотворение Алферова, по мнению знатоков, было в том сборнике одним из лучших. Называлось оно «Праздник».

От пристани с пароходами

До шлюзов на перекатах

Историей и природою

Коломенское богато.

И мне навсегда запомнился

Тот день, от оркестров яркий:

Гуляла Москва в Коломенском,

В его знаменитом парке.

Там было на что заглядеться

Такому, как я, зеваче.

*Весь праздник сиял над детством
Лихим плясуном в рубахе.*

А с праздником вместе помнится

И видится мне вдалеке,

У круч над рекою солнечной,

Высокий старик в тиджаке.

Сутулясь, он слушает негра,

Людей озирает зорко.

И шум над толпой, как эхо:

– Да это ж товарищ Горький!

В 60-е, 70-е годы литгруппа Киселевска буквально гремела по области. Именно в ту пору, когда ею руководил Алферов, здесь набирал опыт и мастерство Валерий Зубарев, ныне автор шести поэтических книг, а в недавнем прошлом – секретарь кемеровского отделения Союза писателей России. Ходили «к Алферову» и поэты, чьи сборники издавались в 90-х. Назову хотя бы Владимира Евдокимова, Владимира Кондрашова и Николая Бабкина.

Именно при Алферове возник тесный контакт между авторами и читателями. То были творческие отчеты, имевшие вид открытых занятий литгруппы. Любой из горожан мог «зайти на огонек» и высказать свое мнение относительно стихов того или иного автора. Кипели споры, оценки выставлялись порой взаимоисключающие, но не было одного – равнодушия к поэзии.

Сам же Алферов писал много, может быть, даже чересчур. Поэтому наряду с отличными стихами из-под его пера выходили откровенно плохонькие. И сейчас еще живы люди, которые продолжают судить о нем по этим – неудачным – опытам. Бог им судья. Однако напомню, что Алферов по меньшей мере пять раз публиковался в альманахе «Огни Кузбасса», а пробиться на его страницы было подчас труднее, чем в общесибирское или даже центральное издание.

Он чутко реагировал на жизнь родного края. Среди стихов Алферова, знакомых горожанам через литературные подборки в газете «В бой за уголь», можно было встретить посвященные началу щитовой добычи угля, проблемам реки Абы. До сих пор помню

коротенький стих про местечко Чугунаш. Он, как я понял, посвящался прокладке железной дороги к одному из богатейших рудников Горной Шории.

Мы задание выполнить в сроки смогли.

И за нами тяжёлые рельсы легли.

«Чугун – наш!» – мы скалистым сказали местам,

«Чугунаш!» – за верстой отозвалась верста.

А потом по тайге пропыхтел паровоз

И хорошее слово повсюду пронес.

Вроде бы – непритязательно. Однако в шести рифмованных строках «поместились» и важный этап освоения Кузбасса, и фонетическое открытие в лучшей традиции поэтического каламбура, и само настроение первопроходцев: горделивое, приподнятое. Только так и мог, наверное, писать о «стройках века» талантливый поэт, член КПСС не по какому-то там рабочему набору, а по убеждениям. Званием коммуниста он откровенно был горд, что вылилось у него в такие строчки:

В моем пусть отразится каждым шагом

И подтвердится множеством людей,

Что верен так же, как солдат присяге,

Победоносной партии своей.

О литературных достоинствах тут, правда, лучше не говорить...

«Шахтерское небо»

Александр Алферов родом из Донбасса. Но Киселевск по праву стал его второй родиной. Сюда он приехал в далеком 1953 году и устроился на работу мастером в ФЗУ № 7, которое позже переименовали в СПТУ № 47. Однако в училище он не задержался: через несколько лет его пригласили редактировать многотиражку шахты имени В.В. Вахрушева. Эту газету он «вел» двадцать четыре года, поставив тем самым рекорд области по стажу работы в подобных изданиях.

Журналистика сблизила его со многими людьми. Человеком он был компанейским, любил пошутить, в меру выпить. Поэтому к нему тянулись и ребята из народной киностудии, и шахматисты, и художники, не говоря уже о коллегах-газетчиках. Вокруг него – первого, наверное, в Киселевске – сформировалась этакая богема, войти в которую мог любой человек, но – при условии его несомненной одаренности. В каком деле – значения не имело.

Был он мастером на розыгрыши, эпиграммы. Одна из них жива в памяти Николая Агеева, три десятка лет редактировавшего «В бой за уголь». Касалась она корреспондента этой газеты по фамилии Щека и самой газеты. Всего две строки, зато каких!

У газеты нет лица,

Но у газеты есть Щека.

В этом – весь характер Алферова, когда его юмор, пусть и с оттенком сатиры, вызывал одну лишь улыбку, исключая даже намек на обиду. Но что касается твор-

чества, то юмору, как таковому, места в нем почти не нашлось. Поэт писал о последнем мамонте («Он шел, башкой мотая грузной»); не забывал детей («Ян уехал, а без Яна заскучала обезьяна»), писал здравицы к годовщинам. Но и это было побочным продуктом его таланта. Читателям он запомнился как автор, ставящий себе в задачу показать поэтику горняцкого труда.

Вхождение в шахтерскую тему началось у Алферова в 50-е годы и было отмечено созданием поэмы «Степь донецкая». Ничего «такого», что может вызвать восторг, в ней не было: композицию отличала расплывчатость, язык подводил к мысли о подражании Суркову и Прокофьеву. Но именно «Степь донецкая» стала точкой отсчета пути Алферова как поэта. Она подвигла его на другие, более совершенные, вещи. И, не будь ее, вряд ли вышел бы он к «Шахтерскому небу» – к поэме, которая стала безусловной вершиной его творчества.

Герой этого произведения – паренек из Донбасса Пашка Зарницын. Он мечтает стать летчиком, завидует птицам и жаждет поскорее покончить со школой. Но грянувшая война отправляет его в эвакуацию. И куда?

Ребят принимает в минуту тревоги

Большой перегон Акчурла...

Вскоре Пашка понимает весь трагизм Киселевска военной поры:

И что-то в душе задрожало у Пашки,

Хоть был он всю жизнь храбрецом:

Увидел он женщину в старенькой каске

И с черным от угля лицом...

И все же Зарницын, мечтавший о познании тайн высоты, но попавший на работу в шахту, своего достиг. В шестой главе поэмы есть строки, отмеченные как высокой поэзией, так и знанием горняцкого труда.

– Так неба тебе?! Это дело простое –

В глаза поглядеть небесам, –

Зарницыну как-то во время простоя

Старик перепусчик сказал.

– Пойдем-ка со мной! – и полезли шахтеры

В какой-то ходок запасной.

...У скважины тесно толпились подпоры,

И запах ютился лесной.

И Пашка, от струй водяных укрываясь,

Нырнул головою туда.

Из выси бездонной ему улыбалась

И ярко мигала звезда.

Сияла звезда, точно новенький орден,

Из всех галактических сил.

– Ну где бы такое увидел ты в полдень? –

Старик перепусчик спросил.

«Шахтерское небо» охотно опубликовала городская газета. Оценившая двухлетний труд поэта в... девять рублей. Есть данные, что поэма (целиком или в отрывках) выходила и в «Комсомольце Кузбасса». А в 1992-м ее, после тридцати лет забвения, воскресили «КВ». Жаль только, что в первые месяцы своей жизни

наша газета выходила мизерным тиражом, и познакомиться с поэмой могли немногие. Но это дело поправимое: в одном из номеров мы эту несправедливость устраним. Тем более, что «Шахтерское небо» помнят, оказывается, в Кемерове. Владимир Ширяев, у которого вышли три сборника стихов и который одно время был нашим земляком, на полном серьезе утверждал, что после донбассовца Анциферова если кто и сказал толковое слово о горняках, так это Алферов.

Конец пути

В третьем номере «Огней Кузбасса» за 1985 год вышли два стихотворения Алферова: уже знакомый нам «Чугунаш» и «Рукавицы». Последнее из них проникнуто щемящей грустью, если не сказать – тоскою, что для поэта-оптимиста было нетипичным.

*Пишет матери сын: «Потерял рукавицы
И таких по размеру найти не могу.
Разыгрался мороз, и метелица злится,
Ходим тут, утопая в глубоком снегу.
В остальном я живу без нужды и без скуки».
Приглашает старушку к себе...
Зябнуть стали теперь материнские руки
Даже в жаркой, уютной избе...*

Говорят, истинный поэт чувствует свой уход из жизни. «Огней Кузбасса» с грустными «Рукавицами» Алферов ждал, как никакое другое издание, заявившее о публикации его стихов. Альманах пришел в Киселевск в начале сентября, но Алферова уже не застал. В конце августа он умер. И по странной прихоти судьбы уход его почти совпал с календарным Днем шахтера...

Странными были те похороны.

Гроб с телом покойного установили в спортивном зале шахты имени В.В. Вахрушева. Потому как Алферов жил все время один и скорбеть по нему в осиротевшей квартире было некому. Даже близкие родственники, по чьим адресам отправили телеграммы, не приехали. Потому и не стоит удивляться, что проводы в последний путь выглядели дежурным мероприятием. Официальные речи у разверстой могилы... Веселые беседы за поминальным столом...

Но было и другое, а именно – расхищение имущества поэта. Бог весть куда, только не по библиотекам, «разошлись» книги из его богатого собрания. Пропал, как тогда казалось, и ценнейший архив, из которого, по разным сведениям, можно почерпнуть не только о жизни и творчестве Алферова, но и о делах литературного Киселевска в целом.

Постскриптум. Напоследок хотелось бы еще раз упомянуть о «владельце» алферовского архива. Упомянуть и указать ему, что вряд ли найдется конкретное лицо, согласное уплатить за эту реликвию тысячу нынешних рублей. Так не лучше бы ему найти способ передачи архива в библиотеку или музей? Там и только там его место! Там и только там он обретет свой подобающий приют и внимание заинтересованных людей.

С этих вот «мелочей» начинался период забвения поэта. Помню, в декабре 1988-го литературная группа «Горизонт» проводила в зале Дома техники «Поэтический ринг». Когда обсуждались вопросы его организации, выяснилось, что у местного художника есть портрет Алферова, сделанный при его жизни. Я, на правах руководителя «Горизонта», обратился к мастеру с предложением выставить портрет на сцене, как бы подчеркнув преемственность поэтических поколений и помянув одного из видных наших земляков. Но куда там... «Сделка» не состоялась, хотя портрет покинул бы дом художника всего-то на два-три часа.

Были и несколько человек, в чей адрес я не раз делал пожелания в том, чтобы они составили воспоминания о поэте. Но и эти люди, много лет знавшие Алферова, предпочли остаться в стороне. Грешен: лшу себе надеждой, что сейчас, по прочтении этих строк, хоть кто-нибудь из друзей создателя «Шахтерского неба» решит взяться за перо и переложить на бумагу вехи из его биографии, какие-то коллизии его беспокойной жизни. Я же, со своей стороны, хочу помянуть Алферова стихом, который был написан в день «странных» похорон. Вижу в нем немало слабых мест и неточностей, но подправлять что-то спустя тринадцать лет, ей-богу, рука не поднимается.

*Всю жизнь гореть и не закончить книгу –
Пожалуй, только это и сумел.
Поэзии рифмованное иго
Считал за свой единственный удел...*

*Вот так и жил:
От «майны» и до «виры».
По новой открывая этот мир,
В горняцкой каске видел контур лиры
И отличал ее от прочих лир.*

*Ушел поэт, подмога для немногих.
До срока припорошен сединой.
Унес с собой негромкие итоги,
Подбитые кладбищенской киркой.*

*Гудки ВГСО над ним стонали
Минуту лишь, а мне казалось – век.
... Он честно пел, как «уголек качали»,
И – не допел, и не раскроет век.*

Мне было тогда двадцать четыре, ему – пятьдесят восемь. Я только выходил на поэтическую дорогу – он с нее сошел. Но остались крупинки людской памяти, которые нужно обязательно собрать воедино, сделать их достоянием будущих поколений. Это наш долг. И наше право.

Сергей ГРУЩАНСКИЙ.